
Наследие Тьмы
Книга №4
Раскол
Александр Фрост

Александр Фрост
Наследие тьмы 4. Раскол

https://litres.ru/74736359
SelfPub; 2026

Аннотация

Полгода мира — всё, что досталось Александру Дренмору.

Орден Пепла раскололся. Верховного Настоятеля, тысячу лет державшего братию письмами, сместили свои, и новый глава оказался страшнее всех предшественников разом: Первый Клинок Северин не жжёт деревни и не режет практиков. Он приезжает втроём, без оружия, называет вслух три двора и обещает вернуться через месяц. Остальное соседи делают сами.

Война выходит из тени: манифест прибит к воротам королевского суда, корона требует ответа, а Совет Равновесия впервые за двести лет решает, чему учить студентов. Александру больше негде прятаться — придётся выйти на свет и назвать себя вслух, зная, что за такое признание отвечает весь род.

А зимой к воротам поместья приходит нищий старик, который двадцать шесть дней шёл пешком. Он не просит убежища. Он просит суда — и говорит, что помнит, отчего на самом деле погибла старая эпоха.

И что вспомнил это только сейчас.

Содержание

Глава 1. Снег над Дренмором 4
Глава 2. Совет Равновесия 21
Глава 3. Кафедра 37
Глава 4. Письмо, написанное пеплом 48
Глава 5. Северин 59
Глава 6. Ночь длинных пеплов 70
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Александр Фрост
Наследие тьмы 4. Раскол

Глава 1. Снег над Дренмором

Зима пришла в родовые земли Дренмор раньше обычного — уже к середине последнего осеннего месяца поля, ещё недавно хранившие бурую щетину сжатой стерни, скрылись под ровным, нетронутым покровом первого снега, а старые тисы вдоль подъездной аллеи обзавелись тяжёлыми белыми шапками, придававшими им сходство со сгорбленными, укутанными в дорожные плащи стариками.

Четыре месяца, — размышлял Александр, стоя у высокого окна библиотеки с чашкой обжигающего травяного отвара в руках и наблюдая за тем, как двое конюших расчищают дорожку от главного входа к воротам. — Четыре полных месяца без единого нападения, без единого зашифрованного послания с дурными вестями, без единой ночи, проведённой в ожидании удара из темноты. за всю мою тысячелетнюю историю подобных периодов набралось бы, пожалуй, не больше десятка — и, что примечательно, каждый из них неизменно оказывался предвестием чего-то значительно более неприятного.

«Занятная закономерность, — отозвался Хранитель,

беззвучный голос которого за минувшие полтора года стал для Александра столь же привычным, как собственное дыхание. — Хотя, я склонен видеть в ней не столько мистическую предопределённость, сколько элементарную статистику: человек, проживший тысячу лет в состоянии непрерывной войны, попросту не располагает достаточной выборкой мирных периодов для сколько-нибудь достоверных выводов».

Утешительное соображение, старина. Ты умеешь подбодрить.

«моя основная функция всё же несколько отличается от подбадривания», — сухо заметил артефакт.

Александр усмехнулся, отпивая из чашки. Отвар, приготовленный Мартой по рецепту, который она упорно именовала «дедушкиным», отдавал мятой, сушёной малиной и чем-то ещё, чему он за четыре месяца так и не сумел подобрать названия, — и при этом обладал бесспорным достоинством: после него истощённое ночными занятиями тело переставало напоминать мешок с битым стеклом.

Библиотека поместья за минувший год изменилась почти до неузнаваемости. Там, где прежде тянулись ряды пыльных, никем не читанных томов по геральдике и землемерному делу, теперь громоздились аккуратные, хотя и явно превосходящие вместимость полок стопки — присланные из столицы копии академических трактатов, переписанные от руки фрагменты рукописей Тенистой долины, три десятка тетра-

дей, исписанных мелким, торопливым почерком магистра Морвейна, и отдельно, на угловом столе под небольшим защитным плетением, — то, что Александр про себя именовал «рабочим архивом»: всё, что удалось собрать об Ордене Пепла с того самого дня, когда Пепельные Клинки впервые ворвались в его свадебный зал.

Три полки. За полтора года непрерывной, весьма методичной работы — три полки сведений об организации, существующей тысячу лет. Признаться, соотношение не внушает чрезмерного оптимизма.

«справедливости ради стоит отметить, что ещё год назад в твоём распоряжении не было и трёх страниц», — заметил Хранитель.

Справедливое замечание. Хотя, боюсь, оно не столько утешает, сколько наглядно демонстрирует масштаб оставшегося пути.

Он отвернулся от окна, окидывая взглядом просторное помещение, залитое тем особым, рассеянным светом, что бывает только в снежные зимние утра, — и в который раз за минувшие месяцы поймал себя на мысли, значительно более тревожной, нежели любые стратегические соображения относительно Ордена Пепла.

Мне здесь нравится.

Тысячу лет назад подобная мысль показалась бы ему признаком опасного, размягчающего разум слабоумия. Архимаг тьмы, чьё имя произносили шёпотом в трёх империях, не

привязывался к местам — места были инструментами, крепости брались и оставлялись, башни возводились и рушились, и ни одна из них не стоила и часа сожалений. Привязанность есть уязвимость; уязвимость есть рычаг; рычаг рано или поздно окажется в руках того, кто знает, куда давить. Это было настолько очевидно, что даже не формулировалось словами — просто лежало в основании всего, как фундамент лежит в основании дома.

А теперь я стою у окна и радуюсь тому, как ложится снег на аллею, по которой ходил семнадцатилетний мальчишка, чьё тело я занял. Определённо, старина, в этом есть нечто, чего прежний я не одобрил бы категорически.

«— с несвойственной ему мягкостью отозвался Хранитель, — прежний ты не одобрил бы также и жену, и союзников, и то обстоятельство, что ты уже четвёртый месяц кряду тратишь два часа в день на обучение деревенских детей основам управления собственным даром. Тем не менее, рискну заметить: мне куда больше нравится нынешний».

Сентиментальность, старина. От камня твоего размера я ожидал большей твёрдости.

«Взаимный упрёк, полагаю, был бы неуместен исключительно из вежливости».

Изольда обнаружилась там же, где и всякое утро последних недель, — в малой гостиной южного крыла, единственной комнате поместья, где широкие окна выходили строго на полуденную сторону и потому даже зимой держалось по-

добие настоящего солнечного тепла. Она сидела в глубоком кресле, придвинутом почти вплотную к окну, укрытая до пояса пледом, с раскрытой на коленях книгой, которую, судя по неподвижности страниц, не переворачивала уже довольно давно.

Восьмой месяц беременности изменил её значительно меньше, нежели Александр, ожидал, — за исключением очевидного, разумеется, и той особой, неторопливой основательности движений, что приходит на смену прежней стремительности. Всё остальное осталось прежним: тот же прямой, внимательный взгляд, та же привычка чуть склонять голову к плечу, когда собеседник говорит нечто, требующее обдумывания, и та же совершенно неаристократическая манера подбирать под себя ноги в кресле, за которую её, по собственному признанию, отчитывали все три гувернантки её детства и ни одна не преуспела.

— Ты стоял у окна библиотеки сорок минут, — произнесла она, не поднимая головы от книги. — Марта считает, что ты замышляешь очередную поездку и подбираешь слова помягче. Я сказала ей, что ты просто смотришь на снег.

— Марта, — отозвался Александр, опускаясь в соседнее кресло, — обладает подозрительностью, которой позавидовал бы любой начальник тайной службы из тех, что мне доводилось знать. А знал я их, поверь, немало.

— Марта обладает опытом, — Изольда наконец подняла на него взгляд, и в уголках её губ обозначилась знакомая,

чуть насмешливая складка. — За полтора года ты уезжал из этого дома восемь раз. Дважды — не предупредив. Один раз — оставив записку, состоящую из четырёх слов, два из которых были «не волнуйся».

в подобной формулировке моя переписка действительно выглядит несколько небрежной.

«Несколько?» — с отчётливым скепсисом уточнил Хранитель.

— Записка была лаконичной, — произнёс Александр вслух, — исключительно из соображений безопасности. Подробное послание, попади оно в чужие руки…

— …сообщило бы противнику, что ты уехал в столицу на заседание Совета, о котором ему и без того было известно из официального вестника Ордена. — Изольда закрыла книгу, отложила её на подоконник и посмотрела на него уже без всякой насмешки. — Александр. Я не упрекаю. Я говорю о другом.

Он молчал, ожидая продолжения.

— Ты четвёртый месяц ждёшь, — произнесла она наконец. — Каждое утро, когда приходит почта, ты спускаешься в холл прежде Марты. Каждый вечер обходишь плетения по периметру, хотя точно знаешь, что за минувшую неделю их никто не тревожил. Ты не отдыхаешь, ты держишь оборону. И, меня это тревожит куда больше, чем любые вести из Ордена Пепла.

Проницательное, весьма неудобное наблюдение. Хотя,

полагаю, за полтора года совместной жизни было бы наивно рассчитывать на сохранение подобных привычек в тайне.

Александр помолчал, глядя на её руки, спокойно лежащие поверх пледа.

— Тысячу лет назад, — произнёс он медленно, — у меня была крепость на восточном берегу — весьма впечатляющее сооружение, надо сказать, семь ярусов, три кольца защитных контуров, гарнизон в четыре сотни человек. Я потратил на неё одиннадцать лет и, изрядно гордился результатом. Её взяли за одну ночь. Не штурмом — их было слишком мало для штурма. Просто в тот момент я находился в двух неделях пути оттуда и был совершенно уверен, что времени у меня достаточно.

— И ты потерял крепость.

— Я потерял двести шестьдесят человек, — поправил он. — Крепость я отбил обратно через год. Разница между этими двумя утратами занимала меня, ещё несколько столетий.

Изольда протянула руку и накрыла ладонью его пальцы, судорожно сжимавшие подлокотник кресла, — жест, которого он до этой секунды за собой не замечал.

— Здесь не крепость, — произнесла она тихо. — Здесь дом. Их защищают по-разному.

«— заметил Хранитель после короткой, деликатной паузы, — тебе только что весьма изящно указали на изъян в стратегическом мышлении, которого не замечали ни я, ни магистр Морвейн, ни, если уж на то пошло, все твои про-

тивники за минувшее тысячелетие».

Молчи, старина.

«Молчу. С заметным удовлетворением».

— К слову, — произнесла Изольда, и голос её изменился, обретя ту особую, старательно небрежную интонацию, за которой у неё неизменно скрывалось нечто важное, — магесса Вейл писала. Она полагает, что срок наступит раньше, чем мы рассчитывали. Возможно, недели на две.

Александр замер.

— Она уверена?

— Она пишет «полагаю», — Изольда позволила себе улыбку. — Что в её исполнении, как ты знаешь, означает «совершенно уверена, но предпочту оставить себе пространство для отступления».

Две недели раньше. Значит, начало последнего зимнего месяца, а не середина. Значит, дороги, значит, снег, значит — весьма ограниченные возможности для срочного вызова кого бы то ни было из столицы, если что-то пойдёт не так.

«Прежде чем ты начнёшь составлять план на случай непредвиденных обстоятельств, — сухо заметил Хранитель, — рискну напомнить, что человечество как вид справлялось с данной задачей на протяжении всей своей истории, преимущественно без участия архимагов».

Человечество как вид, не отличается способностью переживать за отдельно взятого его представителя. Я, к сожалению, за последние полтора года данную способность

приобрёл.

— Я напишу Вейл сегодня же, — произнёс он вслух. — Пусть выезжает немедленно, пока перевал у Серых Ключей ещё проходим. Если она задержится хотя бы на десять дней, её здесь не будет до весны.

— Я уже написала, — спокойно отозвалась Изольда. — Вчера. С утренним курьером.

Разумеется. Разумеется, написала.

«— с нескрываемым удовольствием заметил Хранитель, — твоя супруга обладает организационными талантами, значительно превосходящими твои собственные в вопросах, не связанных с уничтожением противника».

Не стану спорить, старина. впервые за тысячу лет нахожу подобное превосходство скорее отрадным, нежели тревожным.

День в поместье Дренмор был расписан столь же методично, как некогда осадные работы под стенами приморских городов, — обстоятельство, которое Александр, по здравом размышлении, приписывал не столько собственной склонности к порядку, сколько железной руке Марты, за минувший год окончательно превратившейся из домоправительницы в нечто среднее между интендантом, начальником стражи и семейным оракулом.

— Молодой господин, — сообщила она, перехватив его на лестнице второго этажа с той обманчивой мягкостью, что неизменно предшествовала неприятным известиям, — куз-

нец из Нижних Выселок опять просит отсрочки по зимнему оброку. Третий год просит.

— Дать.

— Дала, — невозмутимо отозвалась Марта. — Спрашиваю для порядка, чтобы вы знали, куда уходит ваше добро. Далее: с северного склада пропало восемь мешков ячменя.

— Кто?

— Разберусь сама, и вам знать не надо, — отрезала она. — Мальчишка. Мать больна, семеро по лавкам. Верну ячмень, добавлю от себя четыре мешка и пообещаю, что в следующий раз будет разговаривать не со мной, а с вами. Поверьте, этого хватит с избытком: в деревне про вас рассказывают такое, что я и повторять не стану.

«Занятно, — с явным весельем заметил Хранитель. — за полтора года ты обрёл в местном фольклоре репутацию, которой не добился бы и сотней публичных демонстраций силы».

Тысячелетний опыт, свидетельствует, что слухи неизменно эффективнее демонстраций. Слух не имеет предела, тогда как любая демонстрация рано или поздно упирается в границы возможного.

— И третье, — Марта помедлила, и вот эта пауза Александру не понравилась значительно больше первых двух пунктов. — Ваша матушка спрашивала, не составите ли вы ей компанию за обедом.

Ах. Вот, значит, чем должен был завершиться сегодняш-

ний перечень.

Отношения с матерью за полтора года прошли путь, который сам Александр затруднился бы описать одним словом. От «женщины, санкционировавшей убийство собственного сына» до «женщины, живущей в восточном крыле, с которой ведутся вежливые разговоры о погоде» — расстояние, преодолённое не столько прощением, сколько усталостью обеих сторон от невозможности разрубить узел окончательно. Отец, впрочем, избавил всех от подобных затруднений, уже второй год безвыездно проживая в дальнем северном имении рода — формально в качестве управляющего, фактически в ссылке, о которой не говорилось вслух и которую обе стороны молчаливо признали наилучшим из доступных исходов.

— Передай, что составлю, — произнёс Александр после короткой паузы.

Марта кивнула — без комментариев, что само по себе было её высшей формой одобрения, — и удалилась вниз по лестнице с видом человека, чей список дел сократился на одну позицию из четырнадцати.

Обед прошёл ровно так, как проходили все подобные обеды: леди Севрина Дренмор, прямая, безупречно одетая, с тем неподвижным достоинством, которое даётся либо очень хорошим воспитанием, либо очень долгим страхом, расспрашивала о здоровье Изольды, о видах на весенний посев и о столичных новостях. Александр отвечал ровно, подробно и

вежливо. Ни один из них не произнёс ни слова о том вечере, когда трое наёмников поднялись по этой самой лестнице с тремя ножами.

— размышлял он, наблюдая, как мать методично разламывает хлеб на аккуратные, одинаковые куски, — тысячу лет назад я разрешил бы данную ситуацию за одну ночь, и разрешил бы окончательно. Занятно, что нынешний, значительно более медленный и мучительный способ представляется мне при этом единственно верным.

«— тихо отозвался Хранитель, — дело не в способе, а в том, что тысячу лет назад у тебя не было причины сохранять кому-либо жизнь. Сегодня причина есть, и она в соседнем крыле дома, на восьмом месяце».

Прямолинейно, старина.

«Зато точно».

Уже поднимаясь из-за стола, леди Севрина произнесла — впервые за все полтора года не тем ровным, отработанным тоном, каким велась вся предыдущая беседа:

— Если родится девочка… — она осеклась, и пальцы её на мгновение сжали салфетку. — Впрочем, неважно. Прошу простить.

И вышла прежде, чем Александр успел ответить.

Занятно.

Вечерние часы, по установившемуся за зиму порядку, принадлежали работе.

Магистр Морвейн, окончательно перебравшийся в поме-

стье ещё осенью и занявший под свои изыскания две смежные комнаты в западном крыле, встретил Александра посреди совершенно неописуемого беспорядка — четыре стола, сдвинутых в единую громоздкую конструкцию, были покрыты картами, выписками, обрывками рукописей и по меньшей мере тремя остывшими чашками чая различной степени давности.

— Юный наследник! — воскликнул он, не поднимая головы от очередного манускрипта. — Прошу, взгляните. я наконец нащупал закономерность в датировках.

Александр склонился над разложенными листами. Речь шла о хронологии карательных операций Ордена Пепла — той самой, которую Морвейн методично, по крупицам восстанавливал уже пятый месяц, сводя воедино разрозненные упоминания из хроник Тенистой долины, показания Кристофера Вейна и осторожные, тщательно зашифрованные сведения, поступавшие от магистра Грейва.

— Смотрите, — Морвейн ткнул пером в столбец цифр. — Тысяча лет непрерывного преследования, и все эти столетия Орден действует с определённой, весьма характерной периодичностью: интенсивная фаза длиной в два-три десятилетия, затем спад продолжительностью до полувека, затем снова. Я поначалу списывал это на смену поколений, однако…

— Однако смена поколений не даёт столь ровной кривой, — закончил за него Александр, чувствуя, как в затылке начинает нарастать то знакомое, весьма неприятное покалыва-

ние, что тысячу лет назад неизменно предшествовало обнаружению чего-то, чего он предпочёл бы не обнаруживать. — Кто-то принимает решения. Один и тот же кто-то. На протяжении тысячи лет.

— Малахия, — кивнул Морвейн.

— Возможно. — Александр выпрямился, глядя на столбцы цифр. — Но обратите внимание, магистр: последняя интенсивная фаза началась не тридцать лет назад, как следовало бы по вашей же кривой. Она началась восемнадцать лет назад. Кривая сбилась.

Морвейн замер с пером в руке.

— Восемнадцать, — повторил он медленно. — Юный наследник, но ведь это…

— Это год, когда родилось тело, в котором я нахожусь, — спокойно закончил Александр. — я тоже обратил на это внимание. И, предпочёл бы считать совпадением.

«— мрачно отозвался Хранитель, — за тысячу лет практики ты должен был выработать вполне определённое отношение к совпадениям подобного масштаба».

Выработал, старина. Отношение крайне скептическое. Именно поэтому я и не спешу произносить его вслух.

Письмо принесли в третьем часу пополуночи.

Александр проснулся мгновенно, ещё до стука в дверь, — от того особого, обострённого чувства, которое тысяча лет не сумела вытравить ни из одного тела, что ему доводилось занимать. Изольда спала, дыша ровно и тяжело; он выскольз-

нул из-под одеяла, накинул халат и вышел в коридор прежде, чем стук успел повториться.

В холле, у не догоревшего ещё камина, стоял человек, при одном взгляде на которого становилось ясно: он ехал сутки, а может, и двое, и последние часы держался в седле исключительно из упрямства. Куртка обледенела на плечах, лицо посерело, а правая рука, которой он протягивал Александру запечатанный конверт, заметно дрожала.

— От магистра Грейва, — выговорил курьер. — Мне велено... велено передать лично.

Александр взял конверт. Печать была на месте — та самая, неприметная, без герба, которой Грейв пользовался всю переписку последних месяцев. Но конверт был испачкан: не грязью, не дорожной пылью — сажей, въевшейся в бумагу тонким серым слоем, будто письмо какое-то время пролежало рядом с чем-то горящим.

Что ж. четыре месяца тишины подошли к концу.

Он сорвал печать.

Внутри лежал единственный лист, исписанный торопливым, срывающимся почерком — почерком человека, писавшего в спешке и, судя по нажиму, стоя.

«Дренмор. Совет Клинков собрался внеочередно. Малахия не явился на созыв — второй раз за месяц. Клинки говорят открыто. Северин выдвинул»

И — всё.

Строка обрывалась на середине, чернила смазались длин-

ным, косым росчерком, будто руку писавшего толкнули. Ниже, наискось через весь лист, темнело неровное пятно, в природе которого Александр, повидавший за тысячу лет достаточно подобных пятен, не усомнился ни на секунду.

Он поднял взгляд на курьера.

— Кто передал тебе это письмо?

— Не знаю, господин, — тот сглотнул. — Меня взяли на дороге, у поворота на Серые Ключи. Человек в плаще. Сунул конверт, назвал ваше имя, сказал — скакать без остановок. И… — курьер запнулся.

— Говори.

— И сказал: «Передай ему, что Грейва больше нет».

В холле стало очень тихо. Где-то в глубине дома скрипнула половица под шагами проснувшейся Марты; в камине тихо осел прогоревший уголь.

Северин, — думал Александр, глядя на оборванную строку и на пятно под ней. — Имя, которого нет ни в одной из трёх полок собранного нами архива. Ни в хрониках Долины, ни в показаниях Вейна, ни в единой из осторожных депеш Грейва за весь минувший год.

«— очень тихо произнёс Хранитель, — это означает ровно одно: он слишком молод, чтобы попасть в наши источники».

Именно, старина. И, впервые за долгое время я нахожу собственную осведомлённость катастрофически недостаточной.

Александр аккуратно сложил лист, спрятал его во внутренний карман халата и повернулся к курьеру.

— Тебя накормят и уложат. Утром — ни слова никому, ни в доме, ни в деревне. Марта!

Она уже стояла на нижней ступени лестницы, полностью одетая, с лампой в руке, — как всегда, за полшага до того, как её позовут.

— Слушаю, молодой господин.

— Подними Морвейна. И вели закладывать сани к рассвету. — Он помедлил одно короткое мгновение, глядя в тёмный проём коридора, ведущего в южное крыло, где спала его жена, которой оставалось три недели, а может, и меньше. — Мы едем в столицу.

Глава 2. Совет Равновесия

Дорога до столицы, обыкновенно занимавшая восемь дней летом и десять — в распутицу, зимой превращалась в предприятие, продолжительность которого не бралась предсказывать даже Марта, обыкновенно предсказывавшая всё.

— Шесть дней, если перевал у Серых Ключей ещё держит, — сообщила она на рассвете, проверяя укладку саней с дотошностью человека, отправляющего в путь не хозяина поместья, а осадный обоз. — Одиннадцать, если не держит и придётся идти в объезд через Тресковый брод. И четырнадцать, если вы, молодой господин, по обыкновению своему решите, что дорога — подходящее место для полуночных экспериментов с плетениями.

— подобное обвинение представляется мне несколько несправедливым, — заметил Александр, проверяя крепление дорожного сундука с бумагами Морвейна.

— Прошлой весной, — невозмутимо отозвалась Марта, — вы сожгли постоялый двор в Ольховке.

— Половину сарая. И, замечу, исключительно в силу непредвиденного взаимодействия двух совершенно безобидных по отдельности контуров.

— Хозяин Ольховки до сих пор рассказывает про столб чёрного огня в две сажени.

«— с явным удовольствием заметил Хранитель, — в

этом доме твоя репутация архимага тьмы окончательно и бесповоротно уступила репутации человека, за которым нужно приглядывать».

старина, я нахожу подобное положение вещей странным образом успокаивающим.

Прощание с Изольдой вышло короче, чем он рассчитывал, — не потому, что говорить было не о чем, а потому, что оба слишком хорошо понимали, чего именно не следует произносить вслух.

— Двенадцать дней туда и обратно, — произнёс Александр. — Плюс три на заседание. Пятнадцать. Я вернусь за две недели до срока.

— Ты вернёшься, когда закончишь дела, — спокойно поправила Изольда, стоя в дверях главного холла, кутаясь в шаль поверх домашнего платья. — И не будешь всю дорогу подсчитывать дни, потому что от этого ни лошади не побегут быстрее, ни снег не растает.

— Разумное соображение, которому я, вероятно, не последую.

— Знаю. — Она поднялась на цыпочки и коснулась губами его щеки. — Александр. Если придётся выбирать между тем, чтобы успеть сюда, и тем, чтобы сделать всё правильно там, — сделай правильно там. Я не хочу, чтобы наша дочь родилась в мире, где Пепельные Клинки ходят по улицам открыто.

Наша дочь. Она произносит это слово уже третий месяц,

с абсолютной, ничем не подкреплённой уверенностью — и, я до сих пор не нашёл в себе решимости уточнить, откуда подобная уверенность берётся.

«— тихо заметил Хранитель, — некоторые вещи не нуждаются в подкреплении. Тысяча лет практики в области доказательного мышления, вероятно, несколько притупила твою чувствительность к данному обстоятельству».

Сани тронулись, когда над снежными полями только начинало сереть.

Перевал у Серых Ключей держал — обстоятельство, за которое Александр к исходу четвёртого дня был готов испытывать нечто похожее на искреннюю благодарность к силам, в существование которых он последовательно не верил на протяжении десяти столетий.

Магистр Морвейн, устроившийся в санях среди своих сундуков и с первого же дня превративший поездку в подвижное продолжение библиотечных изысканий, всю дорогу пребывал в состоянии сосредоточенного возбуждения, изредка прерываемого приступами дорожной тошноты.

— Юный наследник, — произнёс он на пятый день, когда впереди, за пеленой начинающейся метели, обозначились первые предместья, — я всё думаю о той оборванной строке. «Северин выдвинул». Выдвинул — что? Обвинение? Требование? Кандидатуру?

— Себя, — коротко отозвался Александр.

Морвейн помолчал.

— Вы столь уверены?

— Магистр, — Александр отвёл край полога, вглядываясь в мельтешение снега над дорогой, — за тысячу лет я присутствовал при смене власти в семнадцати государствах, четырёх орденах и одном довольно неприятном культе, о котором предпочту не вспоминать. схема неизменно одна и та же: сначала действующего правителя перестают дожидаться на советах, затем кто-то произносит вслух то, о чём прочие шептались по углам, и почти всегда этот кто-то к вечеру того же дня обнаруживает себя занимающим освободившееся место. единственная переменная состоит в том, сколько крови проливается между первым и вторым.

— И сколько её проливается обыкновенно?

— Достаточно, чтобы желающих оспорить результат не оставалось.

Столица Ардвейна встретила их той особой зимней хмуростью, что превращает даже белый камень Кайрана в грязновато-серый, — снег на улицах давно перестал быть снегом, обратившись в бурую жижу, которую городская стража безуспешно пыталась сгонять к сточным решёткам.

Магистр Крайс ожидал их у ворот академического подворья лично — обстоятельство, само по себе достаточно красноречивое, чтобы Александр насторожился прежде, чем прозвучало первое слово.

— Молодой Дренмор. — Крайс за минувший год заметно поседел, но рукопожатие осталось прежним, крепким до

неприличия. — я надеялся, что вы задержитесь ещё дня на два. Тогда бы вы опоздали, и я с чистой совестью написал бы вам, что решение принято без вас.

— Настолько скверно?

— Хуже. — Крайс мрачно оглянулся на двор, где под навесом переговаривались несколько незнакомых Александру магистров в тяжёлых зимних мантиях. — Идёмте. И, прошу, до заседания — ни с кем ни слова. Половина этих людей приехала специально ради вас, и ни один не приехал с добрыми намерениями.

Александр молча последовал за ним.

«Занятная встреча, — заметил Хранитель. — за минувшие четыре месяца в столице произошло значительно больше, нежели сообщала официальная переписка».

Официальная переписка, для того и существует, чтобы сообщать меньше, чем происходит. Это её основная и, пожалуй, единственная функция.

Разговор состоялся в кабинете Крайса — той самой комнате, где полтора года назад Александр впервые изложил вслух свои подозрения относительно магистра Ролленда и где всё, что за тем последовало, началось.

— Начну с того, что вас касается напрямую, — произнёс Крайс, разливая по кружкам горячее вино с пряностями и жестом приглашая садиться. — Магистр Грейв.

Александр замер, не донеся кружку до губ.

— Что вам известно?

— Ровно то, что двенадцать дней назад в Ордене Пепла было объявлено, что «магистра Грейва более не существует». Формулировка дословная, я запоминал специально. — Крайс тяжело опустился в кресло. — Альтхен получил это через своих людей на границе. Не тело, не свидетелей — формулировку.

«Занятно, — медленно произнёс Хранитель. — Обрати внимание: не „казнён", не „умер", не „пал в бою". Именно „более не существует"».

Обратил, старина. И, впервые за минувшую неделю испытываю нечто похожее на облегчение.

— Он жив, — произнёс Александр вслух.

Крайс поднял на него взгляд.

— Основания?

— Формулировка. — Александр отставил кружку. — Магистр, организация, тысячу лет практикующая публичные казни в качестве воспитательной меры, не станет прятать труп предателя. Труп предателя выставляют. Труп предателя — половина всей пользы от его поимки. «Более не существует» произносят в единственном случае: когда объявить о смерти необходимо, а предъявить нечего.

— Значит, бежал.

— Значит, бежал, а его исчезновение обратили в объявление о казни, дабы не признавать провал. — Александр помолчал. — И, полагаю, это означает нечто ещё более любопытное: тот, кто отдал приказ, значительно больше озабочен

видимостью собственной непогрешимости, нежели действительным устранением угрозы. для нас это скорее хорошая новость. Такие противники ошибаются чаще.

— Или, — мрачно заметил Крайс, — становятся значительно опаснее, потому что не могут позволить себе остановиться.

Справедливое замечание, магистр. Досадно справедливое.

— Теперь о Совете, — продолжил Крайс, доставая из ящика стола плотную стопку бумаг. — Вопрос, вынесенный на завтрашнее заседание, формулируется так: «О признании практик, восходящих к традиции тьмы, предметом легитимного академического преподавания». Восемь строк. Я перечитал их, полагаю, раз тридцать, и с каждым разом всё отчётливее понимаю, что за этими восемью строками стоит.

— Не признание тьмы, — произнёс Александр.

— Не признание тьмы, — согласился Крайс. — Война фракций внутри Ордена Равновесия, в которой тьма — всего лишь предлог. И вы, молодой Дренмор, — не участник этой войны, а её главный трофей.

Заседание открылось на следующее утро, в том же просторном тронном зале главной резиденции, где полтора года назад решалась судьба магистра Ролленда, — с той разницей, что тогда Александр входил сюда обвинителем, а теперь, судя по расстановке кресел, скорее предметом обсуждения.

Магистр Стейн, председательствующий, за минувший год почти не изменился — та же тяжёлая, неторопливая мане-

ра, тот же выработанный десятилетиями навык произносить спорные вещи тоном, не допускающим спора.

— Уважаемые коллеги. Вопрос, вынесенный на сегодняшнее рассмотрение, не является новым. Он поднимался в этих стенах четырежды за минувшие двести лет и всякий раз отклонялся. все присутствующие понимают, почему на этот раз он поднят вновь.

Он сделал паузу — и в этой паузе, как отметил Александр, не было ни малейшей случайности.

— За минувшие полтора года, — продолжил Стейн, — Орден Равновесия впервые за девять столетий столкнулся с организованной силой, применяющей практики, которых мы не понимаем, не изучаем и не умеем распознавать. Мы потеряли восемнадцать человек при нападении на Академию. Мы потеряли ещё одиннадцать при инцидентах на южных границах. Ни один из наших уставных курсов не подготовил ни одного из них к тому, с чем они столкнулись. Вопрос, следовательно, стоит не в том, желаем ли мы преподавать тьму. Вопрос в том, желаем ли мы продолжать умирать от незнания.

По залу прошёл гул.

Первым поднялся человек, которого Александр до этой минуты видел лишь однажды, мельком, на прошлогодних осенних чтениях, — сухой, невысокий, лет шестидесяти, с той опрятной, почти монашеской строгостью облика, что мгновенно выдаёт человека принципов.

— Магистр Ортен, школа очищающего света, — вполголоса пояснил сидящий рядом Крайс. — Двадцать два года в Совете. Голосовал против тьмы все четыре предыдущих раза.

— Господин председатель. — Голос у Ортена оказался тихим и удивительно приятным. — Позволю себе напомнить собранию, что за минувшие двести лет никто ни разу не оспаривал полезность знания. Оспаривалась цена. Тьма не есть дисциплина, которую изучают. Тьма есть дисциплина, которая изучает изучающего. Всякий раз, когда мы говорим «мы будем преподавать её осторожно», мы повторяем слово в слово то, что говорили девять столетий назад — незадолго до того, как половина известного мира обратилась в пепел.

Ах. Вот, значит, и главный аргумент, к которому неизбежно сводится любой подобный спор во всякую эпоху и во всяком совете. за тысячу лет я не слышал ни одной новой его вариации.

«— заметил Хранитель, — определённое неудобство состоит в том, что данный аргумент в известной мере справедлив».

В известной мере — да. Именно поэтому он и работает.

— И потому, — продолжал Ортен, — я предлагаю собранию ответить не на тот вопрос, что вынесен на повестку, а на тот, что за ним скрывается. Мы говорим не о дисциплине. Мы говорим о человеке.

Он повернулся — спокойно, без всякого драматизма — и

посмотрел прямо на Александра.

— Восемнадцать лет. Восемнадцать лет, уважаемые коллеги. Юноша, поступивший в Академию два года назад и не имевший, согласно приёмным протоколам, ни малейшей формальной подготовки, за минувшие двадцать месяцев продемонстрировал владение практиками, которых нет ни в одном из наших курсов, разоблачил заговор, которого не заметили девятнадцать членов этого Совета, отразил штурм академической территории и вернулся из южных земель с союзниками, о существовании которых мы не подозревали. Я не выдвигаю обвинений. Я задаю вопрос, который обязан задать: откуда?

Зал затих.

Что ж. вот и настал тот момент, наступления которого я ожидал с первого дня в этих стенах. я рассчитывал, что он наступит несколько позже — но, справедливости ради, двадцать месяцев отсрочки представляются вполне пристойным результатом.

«— напряжённо заметил Хранитель, — тебе следует крайне тщательно взвесить каждое следующее слово. Данный человек не враг тебе. Он значительно хуже — он честен».

Именно, старина. с врагами всегда было проще.

Магистр Стейн повернулся к Александру.

— Молодой Дренмор. собрание вправе услышать ваш ответ.

Александр поднялся.

Он не торопился. Он позволил тишине продлиться ровно столько, сколько было нужно, чтобы каждый в зале успел заметить, что он не торопится, — приём настолько древний, что тысячу лет назад считался уже устаревшим, и настолько надёжный, что работал до сих пор.

— Магистр Ортен, — произнёс он наконец, — прежде чем ответить, я хотел бы поблагодарить вас. искренне. За двадцать месяцев в этих стенах вы первый, кто задал этот вопрос вслух и в лицо. Все прочие предпочитали задавать его за моей спиной, и, поверьте, это было значительно неприятнее.

Кто-то в задних рядах негромко хмыкнул.

— Что до ответа. — Александр обвёл взглядом зал. — Он у меня есть. Он полный, он правдивый, и я не стану давать его сегодня.

Гул поднялся сразу, и Стейну потребовалось несколько ударов молотка, чтобы восстановить порядок.

— Причина проста, — продолжил Александр, когда шум улёгся. — Двенадцать дней назад в Ордене Пепла было объявлено, что магистра Грейва — единственного человека внутри той организации, поддерживавшего с нами связь, — более не существует. большинству присутствующих это известно. Полагаю также, что большинство присутствующих не задумалось над тем, что это означает.

Он выждал.

— Это означает, что канал закрыт. Это означает, что мы ослепли ровно в тот момент, когда внутри Ордена Пепла происходит смена власти. И это означает, уважаемые магистры, что вопрос о моём происхождении, при всей его несомненной важности, займёт у этого собрания три заседания, четыре комиссии и не менее полугода — полугода, которых у нас, полагаю, нет.

— Иными словами, — тихо произнёс Ортен, — вы предлагаете отложить неудобный вопрос до лучших времён.

— Я предлагаю, — так же тихо отозвался Александр, — задать его в тот день, когда мы будем знать, кто такой Северин.

Слово упало в тишину зала, как камень в стоячую воду.

— Кто? — переспросил Стейн.

Ах. Значит, здесь этого имени не знает никто. я подозревал нечто подобное — но подтверждение оказалось значительно менее приятным, нежели догадка.

— Северин, — повторил Александр. — Именно это имя стояло в последнем донесении магистра Грейва — в донесении, оборванном на середине строки. Не Малахия. Не Совет Клинков. Северин. уважаемые коллеги, в этом зале собрано более четырёхсот лет совокупного академического опыта, и ни один из присутствующих не в состоянии сказать мне, кто носит это имя.

Молчание было исчерпывающим ответом.

— Вот это, — произнёс Александр, — и есть подлинный

аргумент в пользу вопроса, вынесенного сегодня на повестку. Не преимущества преподавания тьмы. Не соображения академической полноты. А то простое обстоятельство, что у нас нет ни единого человека, способного прочесть донесение противника и понять, о чём оно.

Он сел.

Голосование, вопреки его ожиданиям, не состоялось.

Магистр Стейн, посовещавшись с двумя старшими членами Совета, объявил, что решение по существу вопроса переносится на особое заседание через шесть дней — с тем, чтобы за это время «профильная комиссия подготовила предложение, учитывающее как высказанные опасения, так и обстоятельства неотложного характера».

Классический исход, — размышлял Александр, покидая зал в общем потоке расходящихся магистров. — Ни «да», ни «нет», а поручение комиссии — универсальное средство, посредством которого всякий совет во всякую эпоху избегает необходимости принимать решение в тот день, когда оно ещё имело бы смысл.

«— заметил Хранитель, — шесть дней в сложившихся обстоятельствах представляются не худшим результатом. Ты выиграл время и не отдал ничего».

Я отдал имя, старина. Теперь оно известно тридцати с лишним магистрам, из которых как минимум трое, по моим оценкам, поддерживают переписку с людьми, которым знать его не следовало.

«Ты сделал это намеренно».

Разумеется, намеренно. мне крайне любопытно, кто из них первым напишет письмо — и, что значительно важнее, кому именно.

В коридоре, у самого выхода на галерею, его нагнал магистр Ортен.

— Молодой Дренмор.

Александр обернулся.

— Магистр.

Ортен помолчал, глядя на него снизу вверх — он оказался ниже, чем выглядел в зале, — и произнёс совершенно ровно, без тени враждебности:

— Я не отступлюсь. вам следует это знать. Через шесть дней я задам тот же вопрос, а если понадобится — через шесть месяцев и через шесть лет.

— — отозвался Александр, — я был бы разочарован обратным.

— И ещё одно. — Ортен на мгновение опустил взгляд. — Мой старший брат погиб при штурме Академии. Он преподавал стихийную воду сорок лет и не сумел распознать плетение, убившее его, потому что подобных плетений нет в наших книгах. Так что, когда я говорю о цене, молодой Дренмор, я говорю не отвлечённо.

Он коротко кивнул и удалился, прежде чем Александр успел ответить.

«— очень тихо произнёс Хранитель, — данное обстоя-

тельство несколько усложняет привычную для тебя классификацию присутствующих на союзников и препятствия».

Значительно усложняет, старина. я предпочёл бы, чтобы он оказался куплен, глуп или тщеславен. Люди, возражающие тебе по совести, — самая утомительная разновидность оппонентов из всех, что мне доводилось встречать за тысячу лет.

Он вышел на галерею. Внизу, над Кайраном, снова начинался снег — мелкий, сухой, косо летящий над серыми крышами, и где-то за ними, за городской стеной, за перевалом у Серых Ключей, в шести днях пути отсюда, его жена доживала последние недели перед сроком.

Шесть дней до особого заседания. Шесть дней обратной дороги. арифметика складывается в высшей степени неудачно.

Он не успел додумать эту мысль до конца.

— Дренмор!

Голос он узнал прежде, чем обернулся, — и, обернулся с некоторым недоверием, поскольку человек, которому этот голос принадлежал, менее всего походил на того, кто станет окликать его в открытом коридоре главной резиденции.

Виктор Эшвальд стоял в десяти шагах, у колонны, — без свиты, без обычной своей насмешливой полуулыбки, с лицом человека, который уже полчаса ждёт и всё ещё не решил, стоило ли.

— Нам нужно поговорить, — произнёс он. — И, тебе это

не понравится.

Глава 3. Кафедра

Разговор состоялся не в резиденции.

Виктор Эшвальд, к некоторому удивлению Александра, повёл его прочь от академического квартала — через мост, через торговые ряды, уже сворачивавшиеся в ранних зимних сумерках, к тихой, ничем не примечательной таверне в двух улицах от речного порта, где, судя по невозмутимости хозяина при виде вошедшего аристократа, юный Эшвальд был отнюдь не случайным посетителем.

Занятно. Полтора года назад данный молодой человек не переступил бы порог подобного заведения даже под угрозой отлучения от родового наследства.

«— заметил Хранитель, — за полтора года многое изменилось не только в твоей жизни».

Они сели в дальнем углу, у самого очага. Виктор дождался, пока хозяин поставит на стол две кружки и удалится, и лишь затем произнёс:

— Мой отец разорён.

Александр промолчал.

— Не полностью, — продолжил Виктор, глядя в кружку. — Формально род Эшвальд по-прежнему владеет тремя поместьями и долей в речной торговле. Фактически же всё, что приносило доход, было завязано на откупные подряды Ордена, а подряды после дела Ролленда получают те, кто не зна-

чился в его переписке. Отец значился. Двенадцать раз.

Ах. Значит, вот к чему в конечном счёте свелись для этой семьи последствия нашего с магистром Крайсом расследования.

— — произнёс Александр ровно, — я не стану приносить извинений.

— Я и не жду. — Виктор поднял голову, и в его взгляде не было ни обиды, ни вызова — только тяжёлая, недавно приобретённая усталость. — Я, Дренмор, полтора года ждал, когда во мне проснётся ненависть к тебе. Она не проснулась. Знаешь, что оказалось самым скверным во всей этой истории? Отец ни разу — ни разу за полтора года — не сказал, что был не прав. Он говорит, что «правила изменились». Что «прежде так делали все». Что «мальчишка Дренмор разрушил равновесие». — Он усмехнулся коротко и невесело. — Он до сих пор не понимает, что равновесие, которое держится на двенадцати письмах магистру Ролленду, называется иначе.

«— тихо заметил Хранитель, — перед тобой человек, только что произнёсший вслух нечто, что стоило ему значительно дороже, нежели он показывает».

Согласен, старина. я не ожидал.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил Александр.

— Затем, что через шесть дней Совет будет голосовать, — Виктор отставил кружку. — И затем, что я буду голосовать

за.

Александр медленно поднял брови.

— Ты не член Совета.

— Я — нет. Мой дядя — да. Магистр Ирвен Эшвальд, школа стихийной земли, младший брат отца, в Совете четвёртый год и до сих пор голосовал строго так, как ему говорил старший брат. — Виктор помолчал. — Я говорил с ним вчера. Три часа. Он будет голосовать за.

— В обмен на?

— Ни на что.

— Виктор. — Александр подался вперёд. — за тысячу... — он оборвал себя на середине слова, и Виктор, к его чести, сделал вид, что не заметил. — За всю мою жизнь я не встречал человека, который менял бы позицию по столь значимому вопросу совершенно бескорыстно. Обыкновенно за подобным стоит либо интерес, либо страх. Мне важно знать, что именно, — не для того, чтобы упрекнуть, а для того, чтобы понимать, при каких обстоятельствах это перестанет работать.

Виктор долго молчал, глядя в огонь.

— Я был там, — произнёс он наконец. — В ночь штурма. Ты меня не видел — я сидел в подвале восточного корпуса вместе с двумя десятками первокурсников, и нас туда загнал магистр Ливен, который потом пошёл наверх и не вернулся. Мы просидели там четыре часа. И четыре часа над нами по коридору кто-то ходил. — Он поднял глаза. — Не бежал. Не

дрался. Ходил. Медленно, из конца в конец, туда и обратно, как хозяин по своему дому. Я слышал это через перекрытие. И знаешь, что я понял за те четыре часа, Дренмор? Что никто из нас — ни один из двадцати двух человек в том подвале, включая меня, лучшего фехтовальщика курса и наследника древнего рода, — не имел ни малейшего понятия, что делать, если оно спустится вниз.

— размышлял Александр, — это и есть подлинный ответ на вопрос магистра Ортена. Не аргументы, не статистика потерь, не соображения академической полноты. Двадцать два человека в подвале, слушающие шаги над головой.

— Вот тебе мой интерес, — закончил Виктор. — Я не хочу больше сидеть в подвале. Всё.

Предложение поступило на следующее утро, и поступило оно не от Совета.

Магистр Стейн принял его в собственном рабочем кабинете — небольшом, заваленном бумагами помещении, разительно отличавшемся от торжественной пустоты зала заседаний, — и первые четверть часа беседы посвятил вещам столь очевидно посторонним, что Александр окончательно уверился: разговор предстоит серьёзный.

— Комиссия подготовит компромисс, — произнёс Стейн наконец, отставляя чашку. — Я знаю, каким он будет, поскольку сам его и продиктую. Тьма будет признана предметом преподавания — не как самостоятельная школа, а как

специальный курс в составе кафедры сравнительных практик. Курс закрытый: не более двенадцати слушателей, отбор через Совет, полная отчётность о содержании занятий, право любого члена Совета присутствовать без предупреждения.

— Иными словами, — заметил Александр, — тьма будет преподаваться под наблюдением тех, кто в ней не разбирается.

— Разумеется. — Стейн даже не пытался возражать. — А как ещё вы предлагаете это устроить? Молодой Дренмор, я двадцать девять лет заседаю в этом Совете. Всё, чего можно добиться в подобных собраниях, — это чтобы неизбежное произошло на наших условиях, а не вопреки им. Ортен прав в главном: тьма опасна. Я прав в другом: она уже здесь. Компромисс между двумя правдами всегда выглядит уродливо. Он просто работает лучше, чем любая из них по отдельности.

«— заметил Хранитель, — данный человек нравится мне значительно больше, нежели полтора года назад».

Согласен, старина. Полтора года назад он был председателем комиссии. Сегодня он политик, вынужденный принимать решения, за которые с него спросят. Это, как правило, сильно улучшает людей.

— И курс, полагаю, должен кто-то вести, — произнёс Александр.

— Вот мы и подошли к сути. — Стейн сложил руки на столе. — Вам восемнадцать лет. У вас нет ни степени, ни вы-

слуги, ни единой формальной причины стоять за кафедрой в этой Академии. Совет утвердит вас вопреки уставу, при трёх изменениях в трёх регламентах, и я лично проведу через собрание каждое из них. Взамен я хочу одну вещь.

— Ответ на вопрос Ортена.

— Ответ на вопрос Ортена, — подтвердил Стейн. — Публично. На особом заседании через шесть дней. Не потому, что мне любопытно, — в моём возрасте любопытство обходится дешевле, чем кажется. Потому что человек, стоящий за кафедрой Академии Равновесия, не может быть загадкой. Загадка за кафедрой — это следующий Ролленд, только страшнее.

В кабинете стало тихо. За окном по карнизу постукивала капель — короткая зимняя оттепель, из тех, что к вечеру снова оборачиваются гололёдом.

Что ж. вот он — счёт, который в той или иной форме предъявляется всякому, кто прожил достаточно долго. Тысячу лет я платил по нему одним и тем же способом: исчезал прежде, чем счёт успевали выписать. этот способ работал превосходно ровно до тех пор, пока мне было куда исчезать и незачем оставаться.

«— осторожно заметил Хранитель, — тебе следует крайне тщательно взвесить последствия. Правда о твоей истинной природе, произнесённая публично перед тридцатью с лишним магистрами, перестанет быть твоей уже к следующему утру. Она станет их правдой. И они распоря-

дятся ею так, как сочтут нужным».

Знаю, старина.

«Есть также обстоятельство, которое ты, полагаю, до сих пор старательно обходил стороной. Признание в перерождении есть признание в практике, за которую в этом королевстве полагается смертная казнь. Не для тебя — для рода. Твоя жена. Твоя дочь. Твоё поместье».

Александр молчал долго.

— Магистр Стейн, — произнёс он наконец. — Я дам вам ответ через шесть дней. Не «да» и не «нет» — именно ответ. Но я хочу, чтобы вы поняли одну вещь заранее, и хочу, чтобы вы поняли её правильно. То, что я скажу на особом заседании, будет правдой. Всей. И, вам она понравится значительно меньше, чем вы себе представляете.

Стейн выдержал его взгляд.

— Молодой Дренмор, — произнёс он, — мне шестьдесят восемь лет. Я похоронил двух жён, четырёх учеников и все свои иллюзии относительно человеческой природы. меня уже сложно испугать правдой.

Ах, магистр. за тысячу лет я слышал эту фразу от весьма многих людей. И ни один из них, произнося её, не подозревал, насколько сильно ошибается.

Остаток дня ушёл на то, что Александр про себя именовал «сбором обстановки», — на обход тех немногих людей в столице, чьи сведения имели ценность, превосходящую содержание официальных вестников.

Магистр Альтхен принял его в тесном кабинете Ордена Правосудия, среди штабелей папок, поднимавшихся от пола до подоконника.

— Скверно, — сказал он вместо приветствия. — Садитесь, молодой Дренмор, и слушайте, потому что времени у меня четверть часа, а сказать нужно на час.

Он развернул перед Александром карту северо-восточных провинций, испещрённую пометками.

— За минувшие сорок дней — одиннадцать случаев. Все по одной схеме: приходят ночью, забирают одного-двух человек, уходят. Не грабят. Не жгут. Никого больше не трогают. — Альтхен ткнул пальцем в скопление отметок. — Первые три случая местная стража списала на работорговцев. На четвёртом кто-то заметил, что забирают всегда одних и тех же: тех, у кого в роду были практики. Не сами практики, заметьте, — потомки. Внуки, правнуки. Люди, зачастую сами не знающие о собственном происхождении.

Что?

«— напряжённо произнёс Хранитель, — данная схема существенно отличается от всего, что нам известно об оперативной практике Ордена Пепла. Пепельные Клинки за тысячу лет ни разу не проявляли интереса к тем, кто не владеет даром».

Именно, старина. И это, тревожит меня значительно сильнее, нежели одиннадцать похищений.

— Альтхен, — произнёс Александр, — вы понимаете, что

это означает?

— Понимаю, что не понимаю. — Дознаватель мрачно потёр переносицу. — Я двадцать лет ловлю людей, молодой Дренмор, и первое, чему учит эта работа: если ты не можешь понять, зачем преступнику нужна добыча, значит, ты не понял, в чём состоит преступление. Они не убивают. Не пытают на месте. Не оставляют посланий. Они собирают.

— Собирают, — повторил Александр.

Он смотрел на карту, на одиннадцать чернильных крестиков, разбросанных вдоль северо-восточных границ, и в затылке снова, как двумя неделями раньше в кабинете Морвейна, начиналось то самое покалывание.

Восемнадцать лет назад кривая сбилась. А теперь Орден, тысячу лет истреблявший практиков тьмы, начал их собирать.

«— очень тихо произнёс Хранитель, — прежде чем строить предположения, тебе стоит задать себе один вопрос. Что должно случиться с организацией, чтобы она за тысячу лет ни разу не изменила своей задачи — и изменила её теперь?»

старина, ответ на этот вопрос состоит из одного слова. И слово это — Северин.

Вечером, вернувшись на академическое подворье, Александр застал в отведённых ему покоях магистра Морвейна, который за минувшие сутки успел превратить чужую гостевую комнату в филиал собственного рабочего беспорядка.

— Юный наследник! — Морвейн вскочил, роняя с колен две тетради. — Прошу простить вторжение, но я не мог ждать до утра. Я разобрал те выписки, что вы привезли, и, обнаружил нечто, что...

— Магистр, — мягко перебил Александр, опускаясь в кресло, — сядьте. И расскажите с самого начала.

Морвейн сел, помолчал, собираясь с мыслями, и заговорил уже спокойнее.

— Помните ту сбившуюся кривую? Восемнадцать лет? Я всё думал, отчего интенсивная фаза началась раньше срока. И вчера в архиве Ордена Правосудия, разбирая совершенно посторонние документы, наткнулся на список. Обыкновенный административный список: перевод послушников Ордена Пепла из южных обителей в северные, шестнадцатый год назад. Восемьдесят имён.

— И?

— И я сверил его с хрониками Тенистой долины. — Морвейн облизнул губы. — Юный наследник, из восьмидесяти послушников семьдесят четыре были детьми. Сиротами из деревень, разорённых самим Орденом.

В комнате повисло тяжёлое молчание.

— Они, — медленно произнёс Александр, — начали воспитывать собственных сирот.

— да. — Морвейн кивнул, и в его голосе не осталось ни следа прежнего исследовательского азарта. — Целое поколение, юный наследник. Поколение, выращенное Орденом

с младенчества, не помнящее ни старой эпохи, ни причин, по которым всё это началось. Поколение, для которого война с тьмой — не месть и не долг перед погибшими. Просто устройство мира.

«— произнёс Хранитель после долгой паузы, — мы только что установили, откуда взялся человек по имени Северин».

Согласен, — мысленно отозвался Александр, глядя в тёмное окно, за которым над Кайраном снова заходился мелким сухим снегом зимний вечер. — И, впервые за полтора года я предпочёл бы ошибиться.

Глава 4. Письмо, написанное пеплом

Человек, назвавшийся Иваром, появился на четвёртый день — и появился способом, который сам по себе стоил половины принесённых им сведений.

Он не пришёл к воротам подворья. Он не искал встречи через посредников, не подавал знаков, не оставлял записок в условленных местах. Он просто оказался утром в кухне при академической трапезной, среди подёнщиков, нанятых на зиму колоть дрова, — и работал там, судя по показаниям кухарки, уже третьи сутки, прежде чем впервые заговорил.

— Он спросил, — растерянно докладывала женщина, приведённая к Александру перепуганным подмастерьем, — не тот ли молодой господин из южного крыла, у которого перстень чёрного камня. Я сказала, что не моё дело. А он говорит: передайте ему слово. Одно слово.

— Какое?

— «Раскаяние», — выговорила кухарка. — Он сказал — молодой господин поймёт.

Крепость Раскаяния.

«— мгновенно отозвался Хранитель, — данное слово известно крайне ограниченному кругу лиц, ни один из которых не должен находиться в этом городе».

Согласен, старина. Именно поэтому мы немедленно идём смотреть.

Ивар оказался человеком лет сорока, широким в кости, с той обманчивой мешковатостью движений, за которой Александр за тысячу лет научился безошибочно распознавать людей, обученных драться. Левая кисть у него отсутствовала — обрубок был перехвачен аккуратной кожаной манжетой, стянутой ремешками, и по тому, как ловко он управлялся с ней одной, было ясно: увечью не первый год.

Разговор происходил в дровяном сарае, при закрытых дверях, в присутствии магистра Крайса — единственного, кого Александр счёл нужным позвать.

— Я не Клинок, — сказал Ивар первым делом. — Был. Одиннадцать лет. Потом четыре года при Крепости Раскаяния — надзирателем нижнего яруса. Потом вот это, — он приподнял обрубок, — и меня списали в служители при обительской конюшне. Так что на «Пепельного Клинка» я больше не тяну, и если вы, господин, собирались меня за это резать, то предупреждаю: я всё равно скажу, что пришёл сказать, а потом уж как решите.

— Кто вас послал? — спокойно спросил Александр.

— Магистр Грейв.

Крайс шумно выдохнул.

— Он жив?

— Был жив девять дней назад, — Ивар говорил ровно, не глядя ни на кого, как человек, заранее отрепетировавший

всё, что должен произнести. — Дальше не поручусь. Я вывел его из обители в ночь, когда за ним пришли. Через конюшенный двор, потом низом, вдоль ручья. Он был ранен — плечо и бок, — но шёл сам. На третий день мы разошлись: он на запад, я сюда. Он сказал: если я дойду и он не дойдёт, всё равно сказать.

Александр молча достал из внутреннего кармана сложенный лист — тот самый, с оборванной строкой и тёмным пятном наискось, — и положил на дровяную колоду.

Ивар глянул мельком.

— Его. — Он кивнул. — Он это писал в кладовой при конюшне, у меня на глазах. Не дописал — во двор вошли. Он сунул мне лист, я сунул за пазуху, а он вышел им навстречу и говорил с ними, покуда я уходил. Кровь его. Плечо. Ему тогда и рассекли.

«— тихо произнёс Хранитель, — данный человек говорит правду. Обрати внимание: он ни разу не назвал себя героем и ни разу не попросил ничего для себя».

Обратил, старина.

— Говорите, — произнёс Александр. — Всё, с начала.

Ивар говорил почти час, и за этот час картина, которую Александр и его союзники полтора года собирали по крупицам, перевернулась целиком.

Совет Клинков — высший орган Ордена Пепла, двенадцать человек, из которых Верховный Настоятель был лишь первым среди равных, — созывался дважды в год. Внеоче-

редной созыв за тысячу лет случался семь раз. Восьмой состоялся в начале зимы.

— Настоятель не приехал, — рассказывал Ивар. — Ни на созыв, ни на второй, через двадцать дней. Прислал письмо. Я его не читал, но по обители говорили: он написал, что Орден должен прекратить войну и вернуться к первому уставу.

— К какому уставу? — быстро переспросил Крайс.

— Так и говорили: к первому. Что мы, дескать, не то делаем, чем должны, и делаем не тыщу лет, а девятьсот с чем-то, а до того было другое. — Ивар пожал плечами. — Я человек простой, господа. Я в обители вырос, меня учили: тьма есть зараза, а мы — лекари. Про «первый устав» я до того письма и не слыхал. Никто не слыхал.

Первый устав.

«Александр, — произнёс Хранитель, и в его беззвучном голосе прозвучало нечто, чего Александр не слышал за все полтора года их знакомства, — данное сообщение представляется мне значительно более важным, нежели всё остальное, что мы сегодня услышим. Прошу тебя это запомнить».

Запомнил, старина. Хотя, твой тон нравится мне значительно меньше содержания.

— Дальше, — произнёс Александр вслух.

— Дальше был Совет. — Ивар помолчал. — Двенадцать человек, из них шестеро — старики, что при Настоятеле кормились всю жизнь. Они говорили: ждать. И был Северин.

— Кто он?

— Первый Клинок. — Ивар произнёс это так, как произносят должность, а не имя. — Не из Совета. Он у них — старший над всеми боевыми звеньями, лет ему тридцать с небольшим. Из наших, из обительских сирот, взят младенцем, я его помню мальчишкой — он в Крепости Раскаяния три года служил, при мне.

— Каков он?

Ивар впервые за весь разговор поднял взгляд, и Александр увидел в этом взгляде то, чего не было ни при упоминании отрубленной руки, ни при рассказе о побеге.

— Тихий, — сказал бывший надзиратель. — Вы, господин, меня, может, не поймёте, я скажу как умею. У нас в обители злых было много. Злых я не боялся: злой — он выкричится и отойдёт. Северин никогда не кричал. Он с тобой поговорит, объяснит, отчего надо так, а не иначе, и ты сам согласишься — а потом сообразишь, на что согласился. Он в Крепости при мне отменил битьё арестантов. Сказал: битьё есть гнев, а гнев есть слабость. Всю Крепость на этом полюбила его. А потом он же велел не кормить нижний ярус восемь дней, чтоб выяснить, кто из них подкупает стражу. Без злобы велел. Как считают в амбарной книге.

Ах.

«— мрачно заметил Хранитель, — мы только что получили исчерпывающую характеристику. Малахия был человеком, тысячу лет мстившим за собственную боль. Данный же, судя по всему, вовсе не испытывает боли — и, соответ-

ственно, лишён единственного механизма, посредством которого нам удалось поколебать его предшественника».

Именно, старина. Малахия остановился, потому что я показал ему его же горе. я всерьёз опасаюсь, что этому показывать будет нечего.

— Что он сказал на Совете? — спросил Александр.

— Я не был на Совете, — Ивар качнул головой. — А что говорили после — скажу. Он встал и спросил: сколько лет Настоятелю. Ему ответили — тысяча. Он спросил: а сколько из них он не выходил к людям. Ответили — двести. Тогда он сказал: значит, двести лет Орденом правит письмо, а не человек. — Ивар помолчал. — И ещё он сказал, что не станет требовать снятия Настоятеля, потому что не ему судить старших. Он попросил только одного: чтобы Совет постановил, кому подчиняются Клинки, покуда Настоятеля нет. И Совет постановил. Семь голосов из двенадцати.

Крайс тихо выругался.

— Он не свергал его, — произнёс Александр медленно. — Он просто занял пустое место и попросил, чтобы это оформили.

— Так, — кивнул Ивар. — А через два дня трое из тех пяти, что голосовали против, отказались от своих слов. А ещё через день магистр Грейв велел мне седлать лошадей.

— Теперь главное, — сказал Ивар, когда Александр решил, что главное уже прозвучало. — Магистр Грейв велел передать это слово в слово, я заучивал. Дозволите?

— Говорите.

Бывший надзиратель прикрыл глаза — так, как закрывают их люди, вспоминающие вытверженное наизусть.

— «Дренмор. Первое: Малахия жив и находится не в обители. Где — не знаю, и полагаю, что не знает никто, включая Совет. Второе: Северин отменил тайну. Первым же распоряжением он снял с Клинков запрет являться перед мирянами открыто — запрет, соблюдавшийся девятьсот лет. Он намерен объявить о существовании Ордена публично и потребовать от корон признания. Третье, и ради этого я пишу: он собирает не артефакты. Он собирает кровь. Всех, в ком есть хотя бы капля наследия старой эпохи, независимо от дара. Я не знаю зачем. Но я видел списки, и в них дети. Четвёртое: не верьте ни единому слову о моей смерти. Пятое: берегите тех, у кого есть наследники».

Он открыл глаза.

— Всё. Дальше он сказал: беги.

В дровяном сарае стало очень тихо. Где-то во дворе стучали топоры; из трапезной тянуло горелым жиром.

«Берегите тех, у кого есть наследники», — повторил Хранитель.

Слышал, старина.

«Александр».

Слышал.

Он поднялся — медленно, аккуратно, тем самым выверенным движением, каким за тысячу лет научился скрывать

от окружающих то, что происходило внутри.

— Магистр Крайс. Этому человеку — комнату в подворье, лекаря, охрану. Не как пленнику: как гостю. Он не выйдет за ворота ближайшие десять дней, и об этом с ним следует говорить прямо, а не устраивать любезностей с замками.

— Понял, — тяжело отозвался Крайс.

— И ещё. Пошлите человека в поместье Дренмор. Сегодня. Не с письмом — со словами, письмо можно перехватить. Пусть скажет Марте четыре вещи: удвоить дозор, никого чужого за ворота, ждать магессу Вейл, и... — он на мгновение запнулся, — и что я вернусь.

Публичное объявление, о котором предупреждал Грейв, произошло через два дня — и, произошло почти в точности так, как Александр предполагал, что не доставило ему ни малейшего удовольствия.

Утром пятого дня к главным воротам Академии Равновесия, к воротам королевского суда в Кайране и к дверям четырёх кафедральных храмов одновременно вышли люди в серых плащах — по трое к каждым воротам, без оружия, средь бела дня, при полных улицах народа. Они не прятались. Они прибили к створкам по листу плотной бумаги, дождались, пока подойдёт стража, и позволили себя задержать без единого движения к сопротивлению.

Лист, снятый с академических ворот, лёг на стол Совета через час.

Магистр Стейн читал вслух, и голос его, обыкновенно

ровный, к третьему абзацу заметно сел.

— «...Мы не тайное общество и никогда им не были. Девятьсот лет мы скрывались от вас, полагая, что миру спокойнее не знать, кто уберегает его от возвращения того, что однажды уже сожгло его дотла. Мы ошибались. Скрытность породила ложь, ложь породила слухи, слухи породили жалость к тем, кого жалеть нельзя.

Ныне Орден выходит к вам открыто и объявляет следующее.

Первое. Практика, именуемая тьмой, есть не искусство и не наука. Это болезнь, передающаяся по крови, и мы намерены излечить её, как излечивают моровое поветрие: не карая больных, но пресекая распространение.

Второе. Мы не требуем от корон ни земель, ни податей, ни власти. Мы требуем одного: права на перепись. Всякий, в чьём роду был практик, должен быть внесён в списки — не для казни, а для наблюдения. Тот, кто скрывает такого человека, отвечает наравне с ним.

Третье. Мы не поднимем руки на того, кто выйдет к нам сам. Мы не поднимем руки на детей. Мы не поднимем руки на тех, кто отдаст своё имя добровольно.

Четвёртое. Тому, кто соберёт вокруг себя людей крови и назовёт это правом, мы объявляем не месть, а лечение.

Подписано: Первый Клинок Северин, волею Совета Клинков — временно ведающий делами Ордена».

Стейн опустил лист.

Никто не произнёс ни слова. Тридцать с лишним человек, привыкших к тому, что всякий документ, попадающий в этот зал, требует комментария, сидели молча.

— размышлял Александр, глядя на белый прямоугольник бумаги в руках председателя, — я ожидал угроз. Я готовился к угрозам: угрозы объединяют, угрозы позволяют указать на них пальцем и сказать «вот наш враг». Он не написал ни одной.

«— очень тихо отозвался Хранитель, — данный текст составлен человеком, отлично понимающим, что три четверти его читателей не владеют даром и никогда не владели. Он написан не для нас».

Именно, старина. Он написан для лавочника из Кайрана, у которого в роду никого не было, и который завтра утром прочтёт, что его сосед-аптекарь обязан внести своё имя в список — а если не внесёт, то отвечает перед законом уже сам лавочник. за тысячу лет я не встречал более изящного способа сделать соседей доносчиками.

Первым, как ни странно, заговорил магистр Ортен.

— Господин председатель. — Он поднялся, и в зале обернулись все. — я должен сказать это прежде, чем скажет кто-то другой и скажет неправильно. Двадцать два года я голосовал против преподавания тьмы, и я не отказываюсь ни от одного из этих голосований. — Он помолчал. — Но в этой бумаге написано, что болезнь передаётся по крови. И это, уважаемые коллеги, не спор о преподавании. Это спор о том,

бывают ли люди, виновные по рождению. И в этом споре я стою не там, где стоит эта бумага.

Он сел.

«— заметил Хранитель после долгой паузы, — Северин только что оказал тебе услугу, значительно превосходящую всё, чего ты сумел добиться за минувшие двадцать месяцев политических манёвров».

Согласен, старина. это первая по-настоящему серьёзная ошибка, которую он совершил.

«Ты полагаешь, это ошибка?»

Александр не ответил сразу.

— произнёс он наконец, — что человек, отменяющий девятисотлетнюю тайну одним росчерком пера, отлично осведомлён о том, что теряет. И, мне крайне не хочется выяснять, что именно он рассчитывает получить взамен.

Он смотрел на белый лист в руках Стейна и думал не о переписи, не о Совете и не об особом заседании, до которого оставалось двое суток.

Он думал о четвёртом пункте — о том, где было сказано про детей.

Не поднимем руки на детей.

Занятно. За тысячу лет, я усвоил одно нехитрое правило: человек пишет вслух ровно то, о чём его уже спрашивали.

Глава 5. Северин

Обитель Пепла стояла на голом камне.

Ни рощи вокруг, ни возделанных полей, ни даже деревни у подножия — только серая, выветренная скала, поднимающаяся над северной равниной на четыреста локтей, и на её плоской вершине — низкие, приземистые строения без единого украшения, крытые сланцем, потемневшим от девяти веков дождей. Дорога наверх шла одна, шириной в две повозки, и всякий, кто по ней поднимался, к середине пути неизбежно начинал думать о том, насколько незначительным выглядит снизу.

Первый Клинок Северин думал об этом каждый раз, когда поднимался. Он находил это правильным.

Утро он начинал одинаково вот уже одиннадцать лет: до рассвета, в нижней трапезной, вместе с послушниками. Не потому, что устав обязывал — устав как раз предписывал старшим братьям столоваться отдельно, — а потому, что человек, который ест то же, что и его люди, впоследствии значительно легче отправляет их умирать. Он понял это в двадцать три года и с тех пор не находил повода пересмотреть.

— Брат Северин.

Он поднял голову. Перед столом стоял послушник — лет четырнадцати, с той характерной обритой макушкой, что полагалась до третьего года обучения, и с тем выражением ли-

ца, какое бывает у людей, которым велено передать нечто важное и которые всю дорогу боялись перепутать слова.

— Говори.

— Брат Кассий просит, чтобы вы пришли в скрипторий. Он говорит: пришли ответы с юга. Три из шести.

— Хорошо. — Северин вернулся к каше. — Как тебя зовут?

Мальчишка растерялся.

— Дэрин, брат Северин.

— Сколько тебе было, когда тебя привезли, Дэрин?

— Четыре года, брат Северин. Так в книге записано.

— Откуда?

— Вьорские выселки. — Мальчишка помолчал и добавил, потому что этому их учили с первого дня: — Селение было очищено по третьему разряду. Мать и отец больны. Я — нет.

— Ты — нет, — согласился Северин. Он доел, отставил миску и посмотрел на послушника снизу вверх — не поднимаясь, потому что человек, разговаривающий с тобой сидя, всегда воспринимается как более уверенный. — Скажи мне, Дэрин: ты их помнишь?

— Нет, брат Северин.

— Я своих тоже нет. — Он произнёс это просто, без нажима. — Меня привезли годовалым, из Дальнего Мыса, и в книге записано, что мать моя владела даром, а отец не владел и укрывал её девять лет. Так что во мне половина крови больных и половина крови укрывателей. Скажи, по-твоему,

это делает меня хуже других братьев?

Мальчишка сглотнул.

— Устав говорит, что кровь не вина, — выговорил он старательно. — Вина — в примирении с болезнью.

— Устав говорит верно. — Северин поднялся. — Но я спрашивал не то, что говорит устав. Я спрашивал, что думаешь ты.

Послушник молчал, испуганно и честно.

— Хорошо, что ты не ответил, — сказал Северин. — Тот, кто отвечает быстро, обыкновенно повторяет чужое. Иди.

Он смотрел мальчишке вслед и думал о том, что через десять лет из этого выйдет хороший брат, а через двадцать — возможно, и Клинок; и о том, что за минувшие сорок лет обитель воспитала девятьсот с лишним таких, и что ни один из них не помнит, откуда взялся, и что именно в этом и состоит вся разница между ними и стариками из Совета.

Старики помнили. Старики ненавидели.

Ненависть — это гнев, растянутый во времени. Гнев — это слабость. А слабый лекарь режет либо слишком мало, либо слишком много.

Скрипторий занимал длинный зал в западном крыле, где вдоль стен тянулись конторки, а под потолком в четыре яруса поднимались полки с орденскими книгами — не с трактатами, не с летописями, а именно с книгами: приходно-расходными, поимёнными, поселенными. Орден Пепла за девятьсот лет не написал ни одного сочинения о природе тьмы. Он

вёл счёт.

Брат Кассий, ведавший скрипторием, был единственным человеком в обители старше семидесяти, к которому Северин относился с неподдельным уважением. Кассий не участвовал в спорах, не имел мнения о Настоятеле и за сорок лет, по общему убеждению, не покинул этого зала дольше чем на сутки.

— Три из шести, — сказал он вместо приветствия, подвигая по конторке стопку распечатанных писем. — Ардвейн молчит. Вольные города Приморья молчат. Ответили Тарнская марка, Загорье и епископат Селена.

Северин читал стоя, быстро.

— Тарн согласен на перепись при условии, что списки хранятся у них, а не у нас, — произнёс он. — Загорье согласно без условий и просит взамен людей на границу. Селен отказывает, ссылаясь на канон.

— Два из трёх, — заметил Кассий. — В первый месяц. я полагал, будет хуже.

— Будет хуже. — Северин отложил письма. — Тарн согласился не с нами, а против Ардвейна: они двадцать лет тяжутся из-за верховьев реки, и всякий, кто досадит соседу, им хорош. Загорью нужны солдаты, и они взяли бы их у кого угодно. Ни один из этих двоих не прочёл того, что написано в третьем пункте.

— А что написано в третьем пункте? — мягко спросил Кассий, не поднимая глаз от своей работы.

— Что мы не поднимем руки на того, кто выйдет сам. — Северин посмотрел на старика. — Брат Кассий, вы ведь понимаете, что это значит?

— я понимаю это лучше вас, Первый Клинок. — Кассий обмакнул перо. — Это значит, что впервые за девятьсот лет мы предложили им выбор. А всякий, кому предложен выбор, рано или поздно начинает полагать, что имеет на него право.

— Именно.

— И вас это не тревожит?

— Меня это устраивает. — Северин отошёл к окну — узкой бойнице, за которой лежала бесконечная белая равнина. — Девятьсот лет мы ловили их по одному. Мы вырезали деревни, жгли усадьбы, выламывали двери по ночам, и всякий раз, брат Кассий, из десяти находили девять и упускали одного. И этот один уходил в горы, растил детей и рассказывал им, кто мы такие. Мы девятьсот лет производили себе врагов быстрее, чем успевали их убивать.

Он обернулся.

— Я не собираюсь никого ловить. Я собираюсь сделать так, чтобы они выходили сами. Человек, вписавший своё имя в список добровольно, уже не станет ни драться, ни прятаться, ни учить сына. Он будет ждать проверки раз в год и говорить соседям, что ему нечего скрывать. Через сорок лет он умрёт, и вместе с ним умрёт всё, что он мог передать. Ни одного убитого. Ни одной вдовы, растящей мстителя.

Кассий долго молчал.

— Первый Клинок, — произнёс он наконец, — вы отдаёте себе отчёт, что описываете нечто, чего Орден не делал никогда?

— Отдаю. — Северин снова отвернулся к окну. — Я также отдаю себе отчёт, что за девятьсот лет мы ни разу не приблизились к цели, ради которой существуем. Что-то из двух следует изменить: цель или способ. Цель менять я не вправе.

Заседание Совета Клинков собралось после полудня — в той самой круглой палате без окон, где горели двенадцать светильников по числу сидящих и где за девятьсот лет ни разу не собирались вне срока чаще, чем это делалось в последние два месяца.

Северин стоял. Кресел было двенадцать, и ни одно из них ему не принадлежало.

— Первый Клинок, — произнёс брат Ансельм, старший из Совета, восьмидесятилетний, с руками, испещрёнными бурыми старческими пятнами, — Совет требует объяснений по трём предметам. Первое: манифест был обнародован без утверждения Советом.

— Верно, — согласился Северин.

Старик, приготовившийся к возражению, на мгновение сбился.

— Вы... признаёте?

— Разумеется, признаю. Совет постановил, что до возвращения Настоятеля Клинки подчиняются мне. Обнародование манифеста есть распоряжение Клинкам явиться к воро-

там и прибить лист. Я распорядился Клинками. Утверждения Совета не требовалось. — Он выждал ровно столько, чтобы стало ясно: он мог бы на этом и остановиться. — Если Совет полагает иначе, Совет вправе отменить своё постановление. Семью голосами из двенадцати. Как принимал.

Тишина.

Они не отменят, — думал Северин, глядя поверх голов на дальнюю стену. — Шестеро из них не отменят, потому что кормились при Настоятеле и понимают, что при новом кормиться уже не будут, а мною они пока не рискуют. Двое не отменят из страха. Двое — потому что искренне полагают, что я прав. И двое — Ансельм и Кассий — не отменят, потому что понимают: отменить сейчас значит признать, что Орден остался без головы. А признавать это вслух в девятисотлетней организации не станет никто.

— Второе, — продолжил Ансельм, и в голосе его прибавилось сухости. — Брат Грейв.

— Изменник, — ровно сказал Северин. — Вёл переписку с Дренмором двенадцать месяцев. Передал сведения о Крепости Раскаяния, вследствие чего был утрачен узник особого содержания. Бежал в ночь перед взятием под стражу. Объявлено, что его более не существует.

— Он жив.

— да, — согласился Северин.

По палате прошло движение.

— И вы объявили о его смерти, зная, что он жив?

— Я объявил ровно то, что объявил. — Северин наконец обвёл взглядом сидящих. — «Более не существует». Брат Ансельм, я не солгал ни единым словом. Брата Грейва более не существует: существует человек, живущий на чужие деньги в чужой стране, в котором больше нет ни имени, ни братства, ни права быть похороненным в нашей земле. Если бы я объявил его мёртвым, ложь вскрылась бы в тот день, когда его увидят живым, и вскрылась бы за наш счёт. Я предпочёл формулировку, которая останется верной при любом исходе.

Ансельм смотрел на него долго.

— Вы всегда так говорите, Первый Клинок?

— Как?

— Так, чтобы всякий услышал то, что ему удобнее, а вы после могли сказать, что вас не так поняли.

Хороший вопрос. из всех, что мне задавали в этой палате, — первый, стоящий ответа.

— Да, — сказал Северин. — Всегда.

Третий предмет он ждал с самого начала.

— Дренмор, — произнёс Ансельм.

— Слушаю.

— Настоятель отступил от Тенистой долины, встретившись с ним. Полтора года мы несём потери, и всякий раз в донесениях стоит его имя. Совет желает знать, что вы намерены делать.

Северин помолчал.

— Прежде чем ответить, — произнёс он, — я задам во-

прос сам, и прошу отвечать не мне, а себе. Что мы о нём знаем?

— Наследник угасшего рода, — начал кто-то из младших. — Восемнадцати лет. Владеет утраченными техниками. Располагает артефактом, именуемым Сердцем Извечной Тьмы...

— Это мы знаем о его действиях, — перебил Северин. — Я спросил, что мы знаем о нём. — Он оглядел палату. — Восемнадцать лет. В шестнадцать он не владел ничем: я поднял приёмные записи Академии Равновесия, они ведутся открыто, и там значится юноша без подготовки и без наставника. За два года он приобрёл техники, которых нет ни в одной уцелевшей школе, включая наши архивы. Братья, я одиннадцать лет учу Клинков и скажу вам как человек, знающий, сколько времени берёт обучение: этого не бывает. Ни у гения, ни у одержимого, ни у того, кому достался древний артефакт с подсказками. Двух лет не хватает даже на то, чтобы правильно ставить руки.

— К чему вы ведёте?

— К тому, что он не то, чем кажется, — сказал Северин. — И к тому, что Настоятель, встретившись с ним лично, отступил и через два месяца написал нам письмо о первом уставе. — Он выждал. — Я не намерен убивать Александра Дренмора, братья. Пока — не намерен. Я намерен выяснить, что именно Настоятель увидел в нём такого, что заставило тысячелетнего человека усомниться в деле собственной жиз-

ни.

— А если выясните? — тихо спросил Ансельм.

— Тогда решу.

Уже в сумерках, поднявшись на верхнюю галерею — единственное место в обители, откуда открывалась вся равнина разом, — Северин достал из-за пазухи сложенный вчетверо лист.

Донесение пришло третьего дня, из южных земель, обычным порядком, вместе с полутора десятками таких же. Он прочёл его тогда бегло и вернулся к нему уже дважды.

«...в поместье Дренмор укреплены ворота и удвоен дозор с начала зимы. Из столицы ожидают целительницу, магессу Вейл, к концу второго зимнего месяца. Госпожа Дренмор на сносях, срок — начало последнего зимнего месяца или ранее».

Северин стоял, глядя на белую равнину, где уже проступали первые звёзды.

Ребёнок.

Он не испытал ни торжества, ни азарта, ни того холодного предвкушения, какое, по его наблюдениям, испытывали в подобных случаях старики из Совета. Он вообще редко испытывал что-либо по поводу сведений. Сведения не для того.

Восемнадцатилетний юноша, за два года овладевший тем, чего не бывает. Тысячелетний Настоятель, отступивший после разговора с ним. И теперь — наследник.

Если то, что перешло к нему, передаётся, — оно передастся и дальше. Если оно не передаётся — значит, оно пришло к нему откуда-то извне, и тогда есть место, откуда оно приходит.

И то и другое я обязан знать.

Он аккуратно сложил лист и убрал обратно за пазуху. Внизу, под скалой, зажигались огни — обитель отходила ко сну, девятьсот с лишним сирот, воспитанных в убеждении, что мир устроен единственно возможным образом.

Не поднимем руки на детей, — вспомнил он собственную формулировку, четвёртый пункт, тот самый, что дался ему тяжелее прочих и в который он в итоге не вписал ни слова лжи. — И не подниму.

Дитя не виновно ни в чём. Дитя есть лишь сосуд.

Но всякий сосуд, брат Кассий, рано или поздно приходится либо наполнить, либо опорожнить.

Северин повернулся и пошёл вниз, к вечерней службе, размеренным шагом человека, у которого впереди достаточно времени.

Глава 6. Ночь длинных пеплов

К полуночи Александр исписал четырнадцать листов и сжёг тринадцать.

Оставшийся лежал перед ним на столе — семь строк, в которых не было ни оправданий, ни объяснений, ни единой попытки смягчить сказанное, — и именно поэтому он никак не решался признать его окончательным.

«Ты переписываешь это в четвёртый раз за ночь, — заметил Хранитель. — дело не в словах».

Разумеется, не в словах, старина. Слова у меня были готовы ещё в первый час. Дело в том, что всякий раз, дописав, я перечитываю и представляю себе не лица магистров, а протокол.

«Протокол?»

Протокол особого заседания, старина. Документ, который составят в трёх экземплярах, подпишут, скрепят печатью и подошьют в архив Ордена Равновесия — туда, где он пролежит следующие двести лет и откуда его при необходимости достанут. И вот тогда обвинение будет предъявлено не восемнадцатилетнему юноше, который мог оправдываться, а роду Дренмор, который оправдываться уже не сможет, потому что род не является в суд лично.

Он отодвинул лист и подошёл к окну. Кайран спал; над крышами низко висело мутное зимнее небо, подсвеченное

снизу городскими огнями, и в этой рыжеватой мгле не было видно ни единой звезды.

Тысячу лет я решал подобные затруднения одним и тем же способом. Я говорил ровно столько правды, сколько требовалось для достижения цели, и ни словом больше. я до сих пор не убеждён, что это было ошибкой.

«— осторожно произнёс Хранитель, — прежде тебе не приходилось учитывать, что твоя ложь достанется в наследство человеку, который родится через три недели».

Александр долго молчал.

Именно, старина. В этом и состоит всё затруднение целиком.

В ту же ночь, в четырёхстах лигах к северу, в круглой палате без окон горели двенадцать светильников.

Северин пришёл последним — не из расчёта, а потому, что задержался в скриптории, — и, войдя, отметил про себя, что все двенадцать кресел заняты. За два месяца это случилось впервые.

— Первый Клинок, — произнёс брат Ансельм, — вы просили созыва.

— Просил. — Северин остановился в центре палаты, на том же месте, где стоял всегда. — И прошу Совет выслушать меня, не перебивая, до конца. Это займёт немного времени.

Он положил на пол у своих ног холщовый мешок — тяжёлый, судя по звуку.

— В обители хранятся приходно-расходные книги за де-

вятьсот двенадцать лет, — произнёс он. — Орден Пепла не написал ни единого трактата о природе того, с чем воюет. Но он вёл счёт: каждой лошади, каждому мешку зерна, каждому серебряному, ушедшему из казны обители. Это, братья, единственное, в чём мы за девять веков были безупречны.

Он развязал мешок и вынул первую книгу — толстую, в потемневшем кожаном переплёте.

— Брат Ансельм. Тысяча сто двадцать восемь золотых за одиннадцать лет — на «содержание домов призрения в Тарнской марке». Домов призрения в Тарнской марке не существует. Я посылал проверить: там пустоши.

Он положил книгу на пол и вынул вторую.

— Брат Ольгер. Восемьсот сорок, статья «выкуп братьев из плена». За тридцать лет Орден не выкупил из плена ни одного брата: устав запрещает выкуп с двести шестого года.

Третья книга.

— Брат Домиан. Шестьсот двенадцать. Статья не указана вовсе.

Он выкладывал их одну за другой — семь книг, — и с каждой в палате становилось тише, а тишина эта была особого свойства: не испуганная, а вязкая, как бывает, когда люди, годами делавшие вид, что не знают об общем, вдруг слышат это вслух.

— Я не намерен передавать это в королевские суды, — сказал Северин, распрямляясь. — Ни в чьи. Орден судит себя сам, а я не имею права судить старших. Поэтому я прошу

Совет об одном.

Он выпрямился и обвёл палату взглядом.

— Распуститесь.

— Что? — выговорил кто-то.

— Распуститесь, — повторил Северин ровно. — Не сложите полномочия по одному, не подайте прошений, не признавайте вины. Постановите двенадцатью голосами, что Совет Клинков прекращает своё существование до возвращения Настоятеля, а его обязанности возлагаются на Первого Клинка. Ни один из вас не будет назван вором. Ни одно из этих чисел не выйдет за эти стены. Все вы останетесь братьями Ордена, при своём звании, довольствии и погребении в нашей земле. Я даю в этом слово, и вы знаете цену моему слову.

— А если Совет откажет? — тихо спросил Ансельм.

— Тогда я выложу эти книги завтра в трапезной, — сказал Северин. — Перед послушниками.

Тишина стала полной.

Не перед Советом, не перед орденским судом, не перед королями, — думал он, глядя, как медленно, один за другим, старики отводят глаза. — Перед мальчишками, которых они сорок лет учили, что кровь не вина, а вина — в примирении с болезнью. из всех возможных угроз я выбрал единственную, которой нечего противопоставить.

Голосование заняло четверть часа. Десять — за. Двое — брат Ольгер и брат Домиан — против.

— Совет постановил, — произнёс Ансельм. Голос у него сел. — Первый Клинок, палата в вашем распоряжении.

Северин собрал книги обратно в мешок — все семь, аккуратно, не торопясь, — и уже у двери обернулся.

— Брат Ансельм. Благодарю вас.

— За что? — глухо спросил старик.

— За то, что вы проголосовали последним, — сказал Северин. — Вам это далось дороже всех, и вы сделали это, зная, что даётся дороже всех. из двенадцати сидевших здесь только вы понимали, что происходит.

Он вышел.

Брат Ольгер и брат Домиан покинули обитель в ту же ночь — по собственной воле, как было впоследствии записано в поимённой книге, с дозволением и с дорожным довольствием. Ни один из них не был убит; ни один не был задержан; ни один более никогда никем не был увиден.

Против их имён в книге стояла запись, сделанная рукой брата Кассия и утверждённая Первым Клинком:

«Более не существует».

Александр вышел из подворья за час до рассвета, когда стало окончательно ясно, что уснуть не удастся.

Кайран в этот час был почти пуст: булочные ещё не топили, ночная стража сменялась у речных ворот, и только со стороны Ремесленного взвоза доносился какой-то нестройный, вязкий гул, на который он поначалу не обратил внимания.

Гул не стихал.

«— насторожённо заметил Хранитель, — для драки в кабаке это слишком много голосов, а для пожара слишком мало движения».

Согласен, старина.

Он свернул на взвоз и через полсотни шагов остановился.

На маленькой площади перед аптекарской лавкой стояло человек восемьдесят — обыватели, соседи, женщины в накинутых поверх рубах салопах, подмастерья, двое возчиков. Они стояли плотно, но тихо, и в этой тишине было нечто значительно худшее, чем в любом крике.

Перед дверью лавки, на верхней ступени, стояли трое в серых плащах. Без оружия. Совершенно спокойные.

— ...в четвёртом колене, — говорил один из них, ровным, хорошо поставленным голосом человека, привыкшего говорить с толпой. — Мы не обвиняем мастера Тобиаса ни в чём. Мы не требуем его выдачи. Мы просим его выйти и назвать своё имя, чтобы оно было внесено в список. Это всё, что от него требуется. После этого мы уйдём, и он останется жить в своём доме, торговать в своей лавке и лечить вас, как лечил.

— А коли не выйдет? — крикнули из толпы.

— Тогда мы уйдём тоже, — так же спокойно ответил серый плащ. — Мы не станем ломать дверь. Мы вернёмся через месяц.

Ах.

«— очень тихо произнёс Хранитель, — данная фраза стоит десяти штурмов».

Значительно больше, старина. Он не сказал «мы вернёмся, чтобы убить его». Он сказал «мы вернёмся». А додумывать эти восемьдесят человек будут сами — каждый в меру собственного воображения, и всякий раз, глядя на дверь этой лавки, они будут вспоминать, что месяц уже идёт.

Он оглянулся. У поворота, шагах в тридцати, стояли четверо городской стражи — при оружии, в полном порядке, и не двигались с места. Старший заметил его взгляд и отвернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.